

Я. Туманов

Мичмана на войне

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я11

Я11 **Я. Туманов**
Мичмана на войне / Я. Туманов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 242 с.

ISBN 978-5-458-78247-0

ISBN 978-5-458-78247-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- Глава I.* — Въѣсто предисловія. Мое назначеніе. Кронштадтъ. Броненосецъ „Орель“. Арамисъ. Моя первая работа. Подполковникъ Поздеевъ и его плавучій кранъ. Мичманъ Зубовъ. Упущенное счастье.
- Глава II.* 30 іюля 1904 г. Выходъ изъ Кронштадта. Суевѣріе моряковъ. Ревель. Незваный гость. Царскій смотръ. „Вторникъ“. Либава. Ночь въ дозорѣ. Прощай, Россія.
- Глава III.* — Fakebjerg. У маяка Скагенъ. Неожиданный уходъ. Въ Сѣверномъ морѣ. Ночь съ 8 на 9 октября. Приходъ въ Виго. Гульскій инцидентъ въ исторической перспективѣ. Армираль Дубасовъ. Погрузка угля. Толстый и тонкій. Дальше въ путь.
- Глава IV.* — Между Виго и Танжеромъ. Прапорщикъ Титовъ. Въ Танжерѣ. Раздѣленіе эскадры. Мы идемъ вокругъ Африки. Подъ пассатами. Дакаръ. Страничка изъ далекаго прошлаго. Смерть дяди Вани. Погрузка быковъ. Урокъ хирургіи. Уходъ изъ Дакара.
- Глава V.* — Сумасшедшій прапорщикъ. Недоразумѣніе съ экваторомъ. Libreville. Береговая впечатлѣнія. Рыбная ловля въ Great-Fish-Bay. Смерть „Андрюшки“. Аннга Requena. На нѣмецкомъ пароходѣ. Штормъ у мыса Доброй Надежды. Чудесное спасеніе „Бобика“. Приходъ на Мадагаскаръ.
- Глава VI.* — Вѣсти, слухи и сплетни. Гдѣ Фелькерзамъ? Дозорная служба на Мадагаскарѣ. Я получаю невыполнимое порученіе. Бѣдный Гирсъ. Я арестованъ. Нѣтъ худа безъ добра. Переходъ въ

Nossi-Vé. Болѣзнь командира. Мы учимся стрѣлять. Капитанъ 2 ранга К. и его статьи въ „Новомъ Времени“. Какъ мы получили первую почту.

Глава VII. — Hellville. Прибытіе новыхъ „коэффициентовъ“. Миноносець „Грозный“ и его четверорукіе обитатели. Выздоровленіе командира. Наши развлечения. „Тигръ въ аксельбантахъ“. Преступленіе мичмана Шупинскаго. Нашъ конфликтъ съ штабомъ адмирала. Арамись — между Сциллою и Харибдой. Неожиданная развязка. „Прощай, Африка!“

Глава VIII. — Въ Индійскомъ океанѣ. Погрузка угля. Ловля акулы. Печальное происшествіе и невѣрный діагнозъ. Судовой врачъ сердится. Въ Малакскомъ проливѣ. Вдоль Индо-Китайскихъ береговъ. Приходъ въ Камренъ.

Глава IX. — Въ Индо-Китаѣ. Береговья впечатлѣнія. На миноносцѣ „Буйный“. Штурмъ „Эридана“. Глубокое разочарованіе. Наше присутствіе начинаетъ беспокоить японцевъ. Ванъ-Фонгъ. Игра съ адмираломъ de-Jonquières. Приходъ эскадры адмирала Небогатова. Приготовленія къ послѣднему походу.

Глава X. — На послѣднемъ этапѣ. „Oldhamia“. Канунъ боя. Утро 14 мая. Наконецъ-то мы видимъ непріятеля! Первая встрѣча. Боевая тревога. „Вотъ они всѣ!“ Моя батарея вступаетъ въ дѣйствіе. Я — раненъ. На перевязочномъ пунктѣ. Послѣдняя ночь.

Три эпилога: 1. Утро 15-го мая; 2. Черезъ 2 дня; 3. Черезъ полтора года.

*„Иисусъ сказалъ ему: написано также:
не искушай Господа Бога твоего“.*

Отъ Маттея 4-7.

Мичмана на войнѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Герои моей книги — мичмана, и данное мною заглавіе — „Мичмана на войнѣ“ — удовлетворяетъ всѣмъ тремъ условіямъ хорошо озаглавленной книги, ибо заглавіе должно: точно соотвѣтствовать ея содержанію, быть краткимъ и благозвучнымъ.

Но это такъ, пока рѣчь идетъ о русскомъ языкѣ.

Далеко не такъ благополучно обстоитъ дѣло съ языкомъ испанскимъ, на которомъ первоначально была написана книга, вслѣдствіе того, что мичманъ, по испански — *el alférez de fragata*, что и длинно и неблагозвучно; во множественномъ же числѣ получается еще длиннѣе — *los alféreces de fragata*. Такимъ образомъ, краткое и благозвучное по русски „мичмана на войнѣ“ звучитъ по испански длинно и нелѣпо — *los alféreces de fragata en la guerra*“.

Это обстоятельство заставило автора для испанскаго изданія своей книги придумать иное заглавіе и она появилась впервые въ печати подъ хотя и краткимъ и благозвучнымъ, но довольно туманнымъ заглавіемъ — *„en alta mar“* („въ открытомъ морѣ“).

Попадающіяся въ книгѣ, въ описаніи русской природы, детали, могущія показаться странными и нелужными читателю, привыкшему зимою одѣвать

пальто и отапливать свою квартиру, объясняются тѣмъ, что книга посвящена дѣтямъ тропиковъ, никогда не видавшимъ снѣга.

Божественное Провидѣніе, наказавшее за что то несчастный русскій народъ „завоеваніями революціи“, разметало по всему Божьему свѣту болѣе двухъ милліоновъ гражданъ бывшей и будущей великой страны, фигурирующей нынѣ на современныхъ географическихъ картахъ подъ дурацкимъ псевдонимомъ С. С. С. Р. Въ числѣ этихъ гражданъ безъ отечества оказался авторъ настоящей книги, попавшій въ полосу особенно сильной центробѣжной силы, раскидывавшей отъ границъ бывшей Россіи вѣрныхъ ея сыновъ и, подхваченный этой силой, очутился въ самыхъ дебряхъ Южной Америки.

Его пріютила маленькая бѣдная страна, населенная неизмѣримо гуще крокодилами, нежели людьми. Можетъ быть, именно поэтому люди въ этомъ глухомъ уголкѣ земного шара оказались лучше и сердечнѣе, нежели въ густо населенной двуногими Европѣ.

Посвященіе этой книги славной парагвайской молодежи есть лишь блѣдное выраженіе посильной благодарности автора пріютившему его народу.

ГЛАВА I.

Вмѣсто предисловія. Мое назначеніе. Кронштадтъ. Броненосецъ „Орель“. Арамись. Моя первая работа. Подполковникъ Поздеевъ и его плавучій кранъ. Мичманъ Зубовъ.
Упущенное счастье.

25 лѣтъ! Почти половина человѣческой жизни! Почти половина настоящаго поколѣнія въ то время или не родилась еще или же лежала въ колыбеляхъ, съ восхищеніемъ и любопытствомъ взирая на чудеса Божьяго міра. Многія крупныя фигуры современной дѣйствительности, именами которыхъ пестрятъ страницы нашихъ газетъ, бѣгали въ то время еще въ короткихъ штанишкахъ и шалили.

Добрая же половина тогдашняго поколѣнія въ настоящее время тоже покоится въ колыбеляхъ, но такъ какъ тѣхъ ничто уже больше не удивляетъ и не восхищаетъ, то колыбели эти прикрыты крышками и зарыты глубоко въ землю.

Въ продолженіи этихъ 25 лѣтъ произошли событія, которыя выпадаютъ на долю переживать далеко не каждому поколѣнію. И грандіозность этихъ событій, казалось, должна бы была затмить собою все пережитое до нихъ.

Но человѣческая память, это — одинъ изъ самыхъ чудесныхъ аппаратовъ, данныхъ Богомъ человеку, одинъ изъ самыхъ благословенныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ — самыхъ страшныхъ. Это — безконечной длины кинематографическая лента, отпечатки на которой получаютъ тѣмъ яснѣе, чѣмъ она свѣжѣе. А можетъ ли быть свѣжѣе эта живая фильма, нежели въ 20-21 годъ человѣческаго возраста?

И когда я разворачиваю ее на моемъ мысленномъ экранѣ, меня не удивляетъ, что картины, отпечатанныя въ моей памяти 25 лѣтъ тому назадъ, обрисовываются иногда яснѣе, нежели значительно болѣе позднія. Конечно, какъ на всякой старой лентѣ, на моей также попадаются крупные пробѣлы, но то, что сохранилось донынѣ, проходитъ передъ моимъ мысленнымъ взоромъ такъ ясно, точно запечатлѣнное вчера...

Въ моемъ далекомъ дѣтствѣ мнѣ очень нравились рассказы, начинавшіеся такъ:

„Старый морякъ не спѣша набилъ свою трубку, закурить ее, выпустилъ нѣсколько густыхъ клубовъ дыма и началъ свой рассказъ...“

Нынѣ насталь и мой чередъ закурить свою трубку.

Май мѣсяць на сѣверѣ Европы. Тѣ, кто живетъ среди вѣчно цвѣтущей природы, знакомы съ весною лишь по календарю и она ровно ничего не говоритъ ихъ сердцу. Вся разница съ зимой лишь въ томъ, что солнце начинаетъ пригрѣвать сильнѣе, да чуть длиннѣе становится день. Глазъ же видитъ все ту же яркую зелень, все то же блестящее и горячее солнце, все тѣ же краски и цвѣты.

Чтобы почувствовать весну, нужно пережить суровую зиму, точно также, какъ, чтобы познать добро, нужно знать и зло, чтобы оцѣнить красоту, надо видѣть уродство, чтобы познать жизнь, надо видѣть смерть. Русская же весна, это и есть переходъ отъ смерти къ жизни, это есть воскресеніе природы. Нужно быть поэтомъ, чтобы описать прелесть оживающей природы, но вовсе не нужно быть имъ, чтобы чувствовать и оцѣнить всю прелесть этого воскресенія.

Эскадренный броненосецъ „Орелъ“.

Я чувствовалъ эту прелесть всѣмъ своимъ существомъ 20-лѣтняго юноши, когда въ прелестный майскій день 1904 года плылъ на пароходикѣ изъ С.-Петербурга въ Кронштадтъ.

Финскій заливъ только что сбросилъ съ себя ледяной покровъ, сковывавшій его въ теченіе почти полугода, и яркое солнце отражалось на спокойной поверхности „Маркизовой лужи“, какъ называется часть Финскаго залива между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Слѣва, въ туманной дымкѣ виднѣлись дома и дачи Стрѣльны и Петергофа, справа — рощи и парки Сестрорѣцка, а впереди — подъ тяжелой дымной тучей — низкій островъ Котлинъ и разбросанные тамъ и сямъ, по маленькимъ островамъ, гранитные форты Кронштадта.

Я ѣхалъ являться на одинъ изъ кораблей второй эскадры Тихаго океана, которая поспѣшно готовилась къ дальнему плаванію въ далекія воды Желтаго моря на помощь истекающей кровью нашей 1-й эскадрѣ. Тамъ далеко, за тысячи миль, гремѣли пушки, лилась кровь, ходили въ атаку миноносцы, взрывались на минахъ корабли, а въ Петербургѣ, откуда я ѣхалъ, этого совсѣмъ не чувствовалось. Онъ продолжалъ жить шумной, веселой жизнью большого столичнаго города; театры, кафе и рестораны полны были публикой; такъ же, какъ всегда, отъ 4 до 6 вечера блестящая вереница экипажей запружала красавицу-набережную Невы, пестрѣли роскошные туалеты дамъ Петербургскаго beau-mond'a и блестящія формы гвардейскихъ офицеровъ.

Казалось, что мало кому было дѣла до того, что гдѣ-то тамъ, въ далекой Манджуріи или въ водахъ еще болѣе далекаго Тихаго океана и Желтаго моря идетъ кровавая борьба съ какими то мало кому вѣдомыми японцами. И когда среди блестящей и нарядной толпы Невскаго проспекта случайно появ-

лялась фигура офицера въ походной формѣ или солдата въ лохматой сибирской папахѣ, это являлось рѣзущимъ глазъ диссонансомъ.

Но и въ холодномъ и съ виду безучастномъ Петербургѣ были мѣста, гдѣ чувствовалось дыханіе войны. Однимъ изъ такихъ мѣстъ было Морское Министерство, гдѣ днемъ и ночью кипѣла лихорадочная работа. Отдѣленіе личнаго состава Главнаго Морского Штаба осаждалось офицерами всѣхъ ранговъ, начиная отъ мичмана и кончая съдымъ уже капитаномъ 1 ранга, хлопочущими о назначеніи въ дѣйствующій флотъ. Нерѣдко мелькали въ пріемной Начальника Штаба блѣдныя лица дамъ, приходящихъ справляться о судьбѣ своихъ близкихъ, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій; попадались на глаза дамы уже въ глубокомъ траурѣ, пришедшія узнать подробности о гибели близкаго человѣка.

Когда открывалась дверь кабинета Начальника Штаба и оттуда выходила нетвердой походкой женская фигура съ невидящими глазами и мокрымъ, скомканнымъ носовымъ платкомъ въ рукахъ, веселая толпа молодыхъ офицеровъ, заполняющая пріемную, сразу смолкала и почтительно разступалась, давая дорогу живому олицетворенію глубокаго женскаго горя. Кто знаетъ? Не копошилась ли въ это время въ легкомысленной мичманской головѣ мысль, что настанетъ, быть можетъ, моментъ, когда и его мать, сестра или невѣста будетъ также выходить изъ этого самаго кабинета? Я всегда чувствовалъ въ этой сценѣ какую то волнующую красоту, должно быть, ту самую красоту, которую находилъ даже въ человѣческомъ горѣ великій знатокъ человѣческой души — нашъ Чеховъ: „ту самую едва уловимую красоту человѣческаго горя, которую можетъ передать только музыка“...
